

олардың депрессияға ұшырау ықтималдығы 2,5 есе жоғары. Қазақстандық әлеуметтік зерттеулер орталығы жүргізген сауалнамалар жастардың 60% - ға жуығы әлеуметтік желілерде күніне 3 сағаттан астам уақыт өткізетінін көрсетеді [7, 52-б]. Бұл сан сандық тәуелділік қаупін арттырады.

Жоғарыда қарастырылған теориялық және эксперименттік дәлелдер әлеуметтік медиа жастардың өміріндегі құрылымдық және мәдени өзгерістерді тудыратын фактор екенін көрсетеді. Олар жеке тұлғаның, әлеуметтік капиталдың, саяси белсенділіктің және экономикалық мінез-құлықтың дамуына ықпал етеді. Ғылыми тұрғыдан алғанда, әлеуметтік медианы өте жағымды немесе жағымсыз оқиға ретінде бағалау дұрыс емес. Олар қазіргі желілік қоғамның объективті шындығы. Сондықтан қазіргі әлеуметтік саясаттың маңызды бағыты жастардың медиа сауаттылығын арттыру, цифрлық мәдениетті дамыту, психологиялық қолдау тетіктерін жетілдіру болып табылады.

Әдебиеттер тізімі

1. Жастар әлеуметтік желіні қалай пайдаланып жүр? // *El.kz* ақпараттық порталы. – URL: https://el.kz/zhastar-aleumettik-zhelini-qalay-paydalanyp-zhur_400036952/
2. Капельс, М. Ақпараттық дәуір: экономика, қоғам және мәдениет. – Алматы: Ұлттық аударма бюросы, 2017. – 608 б.
3. Хабермас, Ю. Қоғамдық кеңістіктің құрылымдық өзгерісі. – Астана: Фолиант, 2016. – 312 б.
4. Бодрийяр Ж. Симулякрлар және симуляция. – Алматы: ҚазҰУ баспасы, 2014. – 240 б.
5. Гоффман, Э. Күнделікті өмірдегі өзін-өзі таныту. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 220 б.
6. Бурдые, П. Әлеуметтік кеңістік және символдық билік. – Алматы: Ғылым, 2013. – 256 б.
7. Гидденс, Э. Модерндік және тұлғалық сәйкестілік. – Алматы: Жоғары мектеп, 2018. – 280 б.
8. Абдрахманова, Г. Ж. Жастардың цифрлық мәдениеті: әлеуметтік талдау. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 150 б.
9. Сарсенбаев, С. А. Интернетке тәуелділік және жастар психологиясы. – Астана: ЕҰУ баспасы, 2019. – 180 б.
10. Қойгелдиев, М. Б. Жастар және қоғамдық сана. – Алматы: Раритет, 2015. – 200 б.

УДК: 32:327

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бурмин Н.О.

Магистрант кафедры философия и социальные науки,
Торайгыров университет, г. Павлодар, Казахстан
e-mail: nickita.burmin2017@yandex.ru

Каппасова Г.М.

доктор PhD, ассоциированный профессор (доцент),
Торайгыров университет, г. Павлодар, Казахстан
e-mail: gulsara_k@bk.ru

Современная архитектура международных отношений отводит Центральноазиатскому региону роль одного из ключевых геополитических узлов Евразии. В эпоху глобальных перемен политический ландшафт государств региона представляется результатом сложной интерференции исторических традиций, уникальных этнокультурных кодов и социально-экономических императивов. Данная специфика предопределяет не только внутреннюю траекторию развития стран, но и их субъектность в мировых политических процессах.

Региональная динамика в Центральной Азии в значительной степени детерминирована особенностями общественного сознания. Традиционные механизмы управления и формы взаимодействия власти и социума, формировавшиеся на протяжении столетий, сохраняют мощное влияние на постсоветском этапе. Политическая модернизация здесь носит самобытный характер, адаптируя формальные институты к устойчивым иерархическим структурам и ценностным установкам населения.

Важнейшим базисом государственности в регионе выступает геополитический фактор. Географический детерминизм проявился через уникальный симбиоз ландшафтов: контраст степных массивов, горных систем и плодородных долин определил специфику расселения и хозяйственного уклада. Концентрация жизни вокруг водных артерий (Амударьи и Сырдарьи) исторически диктовала необходимость централизованного контроля над ресурсами, что способствовало кристаллизации особых моделей взаимодействия между центром и периферией [1, с. 71].

Фундаментальный этап политической эволюции центральноазиатских обществ связан с опытом государственности в рамках советского проекта. Период нахождения в составе СССР заложил институциональную матрицу современных республик. Несмотря на ограниченный суверенитет союзных субъектов, в этот период произошла системная модернизация:

1. Институциональное строительство: формирование управленческих аппаратов, ставших каркасом национальных правительств после 1991 года.
2. Экономическая интеграция: создание индустриально-аграрного базиса, позволившего региону включиться в глобальные хозяйственные связи.
3. Социальная трансформация: подготовка квалифицированных национальных кадров и формирование интеллектуального ресурса для суверенного государственного строительства.

К моменту обретения независимости страны региона обладали развитой системой госструктур, функционировавших в единстве с отлаженной идеологической системой [2, с. 12-13]. В постсоветский период странам Центральной Азии удалось конвертировать это наследие в фундамент национального суверенитета, адаптируя административный капитал к условиям многополярного мира.

Процессы внутрирегионального взаимодействия в Центральной Азии на протяжении десятилетий отличались определенной асимметрией и дефицитом устойчивых институциональных механизмов. Тем не менее, современная эпоха перемен диктует императив перехода от декларативного сотрудничества к реальной координации национальных интересов. Осознание необходимости глубокой интеграции в регионе кристаллизовалось по мере роста трансграничных вызовов и под влиянием успешных мировых практик, таких как опыт ЕС или АСЕАН. Глобальный контекст продемонстрировал, что в условиях турбулентности мировой экономики конкурентоспособность государств напрямую зависит от их способности выступать единым консолидированным блоком [3, с. 74].

В среднесрочной перспективе стратегическим приоритетом для стран «пятерки» (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) является преодоление фрагментарности. Однако уникальность центральноазиатской интеграции заключается в том, что она не может быть ограничена только экономическими соглашениями. Важнейшим вектором сближения выступает развитие «второй дорожки» (Track II) – неформального диалога на уровне: экспертно-аналитических сообществ; неправительственных организаций; научно-образовательных консорциумов и культурных институтов. Именно этот «гуманитарный каркас» способствует формированию устойчивой региональной идентичности и общего дискурса, без которых политические договоренности остаются ситуативными [4, с. 48-49].

Параллельно с внутренними процессами, конфигурация международных отношений в регионе претерпевает изменения под воздействием внешних геоэкономических стратегий. Особое место здесь занимает китайская инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» (составная часть мегапроекта «Один пояс – один путь»). В рамках данной парадигмы Центральная Азия рассматривается не как изолированное пространство, а как критически важный сухопутный мост, обеспечивающий связность между полюсами роста – Восточной Азией, Ближним Востоком и Европой.

Трансформация региона в транзитный хаб мирового значения реализуется через несколько стратегических направлений:

1. Казахстанский вектор: развитие маршрутов с выходом к Каспийскому бассейну.
2. Транскаспийский маршрут («Средний коридор»): данный проект предполагает создание сложной логистической экосистемы, связывающей порты Каспийского и Черного морей. Реализация этого сценария требует не только масштабных технологических инвестиций, но и беспрецедентного уровня межгосударственного доверия и нормативно-правовой гармонизации [5, с. 15].

Стоит отметить что, Центральная Азия сегодня находится в точке бифуркации, где традиционные формы взаимодействия дополняются современными сетевыми моделями управления и масштабными инфраструктурными обязательствами.

Важнейшей вехой в укреплении регионального взаимодействия стал второй саммит «Центральная Азия – Китай», прошедший в сентябре 2025 года в Астане. Итоги этой встречи

подтверждают фундаментальную трансформацию китайской стратегии в регионе: акцент сместился с масштабного кредитования на повышение качественных характеристик партнерства. В современных условиях приоритеты сторон сосредоточены в следующих кластерах: высокотехнологичная промышленная кооперация; экологически ориентированное (зеленое) недропользование; модернизация агропромышленного комплекса; интенсификация культурно-гуманитарных связей как фундамента политического доверия.

Такая повестка демонстрирует переход к модели устойчивого развития, ориентированной на долгосрочный мультипликативный эффект. Особую актуальность это приобретает в условиях глобальной рецессии инвестиционной активности. Согласно аналитическим данным ЮНКТАД, по итогам 2024 года зафиксировано существенное сокращение мировых объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что спровоцировало усиление конкуренции между развивающимися рынками за доступ к капиталу [6, с. 13]. Для Центральной Азии в этот период Китай выступает не только как инвестор, но и как гарант технологического транзита.

Центральным понятием в анализе современного состояния региона становится индекс связности (connectivity). Для государств Центральной Азии этот показатель традиционно остается вызовом в силу действия двух факторов:

1. Географическая дистантность: удаленность от ключевых полюсов глобальной экономики.
2. Ландлокинг (Land-locked countries): отсутствие прямого выхода к мировому океану, что автоматически увеличивает транзакционные издержки на 20–30% по сравнению с прибрежными странами.

В условиях «эпохи перемен» низкая связность перестает быть просто логистической проблемой и становится вопросом политической устойчивости. Отсутствие современных транспортных сетей консервирует сырьевую направленность экономик и снижает конкурентоспособность национальных товаров на глобальных рынках [7, с. 24]. Следовательно, развитие транспортных коридоров, описанных в предыдущих разделах, рассматривается правительствами стран региона как инструмент преодоления «географического проклятия» и превращения Центральной Азии в полноценный субъект мирохозяйственных связей.

Энергетический сектор остается фундаментальной платформой, определяющей характер и динамику взаимодействия между Китайской Народной Республикой и государствами Центральной Азии. Историко-политический анализ показывает, что Пекин вошел в инвестиционное поле региона на более позднем этапе по сравнению с западными транснациональными корпорациями, закрепившимися здесь еще в 1990-х годах. Однако в условиях современной «эпохи перемен» КНР продемонстрировала уникальную адаптивность, реализовав стратегию высокорискового инвестирования.

Наиболее репрезентативным примером является нефтегазовая отрасль Казахстана. Китайские энергетические гиганты последовательно аккумулировали активы, которые в силу различных технологических или политических причин не рассматривались западными инвесторами как приоритетные. Это позволило Китаю в сжатые сроки сформировать разветвленную инфраструктурную сеть и занять позицию одного из ключевых бенефициаров энергетического рынка региона [8, с. 312]. Сегодня данное сотрудничество эволюционирует: от простой добычи сырья стороны переходят к технологическому партнерству, что отвечает национальным интересам стран Центральной Азии по диверсификации своих экономик.

В условиях турбулентности современных международных отношений особая роль в поддержании регионального баланса отводится Шанхайской организации сотрудничества. ШОС выступает не просто как военно-политический блок, а как сложная многосторонняя платформа, объединяющая интересы государств Центральной Азии и сопредельных евразийских держав.

Одним из наиболее острых вызовов, требующих консолидированных усилий, остается транснациональная преступность, и в частности, незаконный оборот наркотических средств. Данная угроза рассматривается в рамках ШОС как комплексный дестабилизирующий фактор, являющийся финансовым базисом для международного терроризма.

Специфика подхода ШОС к обеспечению безопасности заключается в использовании гибкой институциональной модели, которая гармонично сочетает силовые и гуманитарные методы: координация оперативно-разыскных мероприятий национальных спецслужб; реализация программ социальной профилактики, медицинской реабилитации и научного обмена в сфере противодействия наркоугрозе; укрепление правовой базы для трансграничного взаимодействия правоохранительных органов. Практическая эффективность данной модели была подтверждена в ходе масштабных антинаркотических операций, таких как «Паутина» (2019–2020 гг. и последующие этапы). Эти

мероприятия позволили не только пресечь каналы поставок, но и выработать единый экспертный дискурс по вопросам региональной защищенности [9, с. 67]. Таким образом, гуманитарное измерение политики безопасности в рамках ШОС становится важным инструментом сохранения суверенитета и социальной стабильности государств Центральной Азии в условиях глобальной неопределенности 2020-х годов.

В современной системе международных отношений ключевым дестабилизирующим фактором для Центральной Азии остается ситуация в Афганистане. Данная территория на протяжении десятилетий выступает основным источником военно-политических и гибридных рисков. Особую остроту проблема приобрела после трансформации геополитического ландшафта на Ближнем Востоке: ослабление позиций радикальных группировок в сирийско-иракской зоне привело к транзиту экстремистских элементов на афганскую платформу.

В условиях «эпохи перемен» Афганистан де-факто превратился в транзитно-координационный узел для транснациональных угроз. Радикальные структуры рассматривают эту территорию как удобный плацдарм для: стратегической перегруппировки сил; аккумуляции финансовых и логистических ресурсов; дистанционного планирования деструктивной деятельности в сопредельных государствах.

Особую обеспокоенность вызывает экспансивная стратегия радикальных организаций, в частности ИГИЛ, которые стремятся к качественному расширению своего влияния в регионе. В отличие от традиционных военных угроз, современный экстремизм активно использует гуманитарные уязвимости центральноазиатских обществ.

Идеологическая экспансия опирается на глубокий анализ социально-экономических проблем: высокий уровень безработицы, маргинализацию части молодежи и неконтролируемые миграционные потоки. Используя современные цифровые инструменты вербовки, радикальные структуры ведут целенаправленную работу по эрозии традиционных ценностей и формированию альтернативных, деструктивных идентичностей [10, с. 28]. Таким образом, афганский фактор в контексте гуманитарного знания требует не только силового противодействия, но и глубокой социально-педагогической и идеологической превенции со стороны государств региона.

Подводя итог анализу политического развития Центральной Азии в «эпоху перемен», необходимо констатировать наличие сложного противоречия между объективным потенциалом региона и реальной степенью его консолидации. Несмотря на глубокую историческую и социокультурную взаимосвязанность, роль центральноазиатских государств в глобальных процессах сохраняет определенную ограниченность.

На современном этапе страны региона зачастую продолжают выступать скорее объектами стратегического воздействия со стороны мировых центров силы, нежели полностью суверенными субъектами региональной геополитики. Данная ситуация детерминирована комплексом внутренних дестабилизирующих факторов:

1. Институциональная фрагментация: наличие латентных и открытых конфликтов в водно-энергетической и пограничной сферах препятствует формированию единого политического пространства.

2. Внешнеполитический центробежный вектор: национальные интересы стран региона нередко диктуют приоритетность диалога с внешними акторами (КНР, Россией, США, ЕС) в ущерб внутрирегиональному сотрудничеству.

3. Дефицит интеграционного ядра: отсутствие признанного регионального лидера или согласованной долгосрочной стратегии развития консервирует состояние «ситуативного взаимодействия».

В результате региональные институты нередко утрачивают функциональную автономность, становясь элементами более масштабных трансрегиональных проектов. Центральная Азия сегодня находится в состоянии неустойчивого равновесия между интеграционным потенциалом и реальностью политической фрагментации.

Трансформация системы международных отношений открывает для региона новые возможности, однако их реализация напрямую зависит от способности государств конвертировать свое «гуманитарное знание» (общую историю, культуру и ценности) в прочные политические обязательства. Без преодоления структурных противоречий и формирования коллективной субъектности регион рискует остаться ареной конкуренции внешних сил, что повышает его уязвимость перед лицом современных вызовов – от транснационального экстремизма до экономической зависимости. Таким образом, будущее Центральной Азии в XXI веке будет определяться способностью элит и обществ к переходу от модели выживания к модели опережающего развития на основе регионального единства.

Список литературы

1. Муратшина К.Г. Международно-правовые аспекты сотрудничества России, Казахстана и КНР по использованию вод Иртыша. – Рос. юридич. журн, 2013. № 1 (88). – 85 с.
2. Центральная Азия: Геополитика и экономика региона. – Москва, 2010. – 253 с.
3. Комилова Х. Г. Роль и место интеграционных структур в системе международных отношений в Центральной Азии. – Вестник Томского государственного университета. История, 2015. № 4 (36). – 73-77 с.
4. Ауелбаев Б. А. Центральная Азия – 2020: четыре стратегических концепта / Б. А. Ауелбаев, С. К. Кушкумбаев, К. Л. Сыроежкин, В. Ю. Додонов. – Астана: КИСИ, 2015. – 51 с.
5. Геоэкономика Евразии. – Астана: Astana Club, 2015. – 63 с.
6. Евразийский банк развития. Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://eabr.org> (дата обращения: 27.01.2026).
7. Зайцев Ю. К. Международная помощь развитию крупных инфраструктурных проектов в странах Центральной Азии // Экономическое развитие России. – 2022. – № 1. – С. 24–34.
8. Лексутина Я. В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. – 2020. – Т. 30. – С. 312.
9. Сенченков В. Н. Проблемы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2021. – № 4. – С. 67.
10. Никитенко В. И. Евразийские векторы сотрудничества стран – участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и региональной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2018. – № 1. – С. 28.

УДК 316.614

РУССКАЯ ИДЕЯ В ШКОЛЬНОМ КЛАССЕ: ЗНАЧЕНИЕ ЛАТЕНТНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Головин Н.А.

доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: n.golovin@spbu.ru

Русская идея – это комплекс мировоззренческих и философских идей о месте России в мире и ее всемирно-исторической миссии. Идея развита в труднообозримом множестве литературных (художественных, научных и публицистических) произведений, как правило, консервативной, но не только, общественно-политической мысли России XIX – начала XX века. Значительный вклад в ее оформление внесли философские кружки в Москве в 1830-е годы.

Связь Русской идеи и мессианства в большой политике раскрыта философом Н.А. Бердяевым в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (немецкое издание 1938 года; русское издание 1955 года [1]), затем историком и социологом Мануэлем Саркисянцем в книге «Россия и мессианизм: к «русской идее» Н.А. Бердяева» (немецкое издание 1955 года [3], сокращенное русское издание 2005 года [2]). Оба великолепных историко-теоретических исследований вызвали большую полемику в англоязычных странах, во Франции, Германии и России. Саркисянец доказал, что Русская идея оказалась интегрирована в художественную литературу начиная с XIX века, когда литературный процесс приобрел собственную основу.

Здесь рассматривается лишь политико-социализационное значение этого идейного феномена, а не его религиозный фон, восходящий к расколу Русской православной церкви в результате ее реформы патриархом Никоном, расколу на ортодоксальное православие и старообрядчество (XVII век). Ниже Русская идея прослеживается лишь по линии ее восприятия интеллигенцией – писателями (как выразился социолог М. Вебер – «литераторами») в отношении их идейной роли в Великой французской революции). Здесь имеют место некоторые параллели с Россией и ее революциями.

Существо Русской идеи согласно Бердяеву и Саркисянцу представляет собой комплекс философских, религиозных и культурных концепций, которые в качестве мировоззрения определяют уникальность и особую миссию России в мире. Она включает: